

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Годъ IV № 42

16-го Октября 1888 г.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ.

Подписная цѣна съ дост. въ Петербургъ и перес. въ города: съ премією и приложеніями на годъ 6 р.; безъ преміи и приложеній на годъ 5 р.; на полгода 3 р.; на мѣсяць 50 к. Годовая цѣна за границею 8 р. Отдѣльные №№ 15 к.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ редакціи «Русскаго Паломника», Владимирскій проспектъ, д. № 13, кв. № 8.

«РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ» одобренъ: 1) Учебнымъ Комитетомъ при Святейшемъ Синодѣ для учебныхъ заведеній, а также для библиотекъ сиротскихъ и благотворительскихъ; 2) Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; 3) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній; 4) Комиссіею городскихъ училищъ при С.-Петербургской думѣ и 5) Училищнымъ Советомъ при Святейшемъ Синодѣ внесенъ въ списокъ книгъ для церковно-приходскихъ школъ, одобренный г. Оберъ-Прокуроромъ Святейшаго Синода.

Озерянская чудотворная икона Богоматери.

Въ 26 верстахъ отъ Харькова, въ глухой мѣстности, расположено село Озерянка съ приходскою церковью, донныя слывшую въ народѣ подъ именемъ Озерянской пустыни. Около ста лѣтъ тому назадъ здѣсь дѣйствительно существовала обитель, основанная въ 1711 году и упраздненная въ 1787. Отъ нея-то и получили свое названіе Озерянскій чудотворный образъ Богоматери, нынѣ находящійся въ Харьковѣ и привлекающій къ себѣ на поклоненіе цѣлыя массы богомольцевъ изъ всѣхъ областей южной Россіи.

Время явленія этой великой святыни въ точности неизвѣстно, — съ вѣроятностью можно лишь предполагать, что она явилась въ окрестностяхъ Озерянскихъ около 1720 года, въ то время, когда вся Сло-

Озерянская чудотворная икона Богоматери.

бодская Украина была опустошаема страшною моровою язвой. Обстоятельства, при которыхъ Царица Небесная благоволила явить Свой образъ, были слѣдующія.

Разъ одинъ изъ Озерянскихъ поселянъ косилъ траву и послѣ взмаха косы услышалъ въ травѣ какъ-бы человѣческой стонъ. Изумленный косецъ опустил косу и при этомъ увидѣлъ подъ нею половину изображенія Богоматери, написаннаго на холстѣ; другая половина образа оставалась въ травѣ, и передъ нею теплилась зажженная свѣча. Еще болѣе пораженный, косарь, бросивъ работу, взялъ обѣ половины св. иконы, отнесъ ихъ къ себѣ въ хижину и долго молился предъ ними. На другой день, поднявшись рано утромъ, поселянинъ хотѣлъ помолиться передъ найденнымъ образомъ, но не нашель его на божницѣ. Послѣ долгихъ поисковъ, онъ случайно пришелъ на то мѣсто, гдѣ косилъ наканунѣ, и увидѣлъ

здѣсь св. икону стоящую на землѣ и притомъ совершенно цѣлою У подножія ея струился чудесно изшедшій изъ земли ключъ живой воды.

Вслѣдъ за чудеснымъ явленіемъ Озерянскаго образа, отъ него стали исходить многочисленныя исцѣленія, прославившія святыню по всей Украйнѣ. Скромная Озеринская обитель, въ храмъ которой была перенесена св. икона, стала посѣщаться толпами богомольцевъ, отовсюду стекавшихся на поклоненіе святынѣ. Такъ было до 1787 г., когда, какъ сказано выше, Озерянская пустынь была упразднена. Озерянскій образъ тогда перенесли въ Старо-Харьковскій Куряжскій монастырь, но и здѣсь онъ оставался недолго, — въ слѣдующемъ же 1788 году и этотъ монастырь былъ закрытъ, а св. икона была перенесена въ Покровскій Харьковский монастырь, знаменитый своимъ Духовнымъ Коллегіумомъ, который имѣлъ для Слободской Украины такое-же значеніе, какое Кіево-Братская Академія для юго-западной Малороссіи.

Девять лѣтъ св. икона Богоматери находилась въ этой обители, не престававшая источать обильный источникъ чудесъ и исцѣленій, пока, въ 1797 году, не была снова возвращена въ Куряжскій монастырь, въ этомъ году вновь возстановленный.

Монастырь этотъ лежитъ въ 8 верстахъ отъ Харькова, по Кіевской дорогѣ, на высокомъ холмѣ, покрытомъ садами и лѣсомъ. Въ его стѣнахъ Озерянскій образъ находился сорокъ шесть лѣтъ. Затѣмъ послѣдовало новое перемѣщеніе святыни по слѣдующему поводу.

Въ 1843 году Харьковскіе граждане обратились къ бывшему тогда Харьковскимъ епископомъ знаменитому Иннокентію съ прошеніемъ, въ которомъ писали: «Имя особенное благоговѣніе къ явленной иконѣ Озерянскія Божія Матери, находящейся въ Старо-Харьковскомъ Преображенскомъ Куряжскомъ монастырѣ, мы не можемъ въ осеннее и зимнее время отпраляться въ оный монастырь съ нашими семействами для служенія Богослуженія, тѣмъ болѣе, что въ ономъ монастырѣ не имѣется удобныхъ помѣщеній. Посему, желая, чтобы она икона отъ 1 октября по 1 апрѣля находилась въ Харьковскомъ Кафедральномъ Покровскомъ соборѣ, покорнѣйше просимъ учинить къ выполненію желанія нашего Архипастырское распоряженіе и насъ удостоить милостивѣйшею резолюціею».

Пресвященный Иннокентій горячо взялся за исполненіе этого благочестиваго желанія. 16 октября 1843 года Государь Императоръ утвердилъ докладъ Св. Синода о перенесеніи чудотворной святыни изъ Куряжской обители на зимнее время, а въ слѣдующемъ году, 30 сентября, впервые состоялось это перенесеніе при торжественной обстановкѣ, по особому церемониалу. Съ этого времени св. образъ полгода находится въ Харьковѣ, а другіе полгода пребываетъ въ Куряжской обители.

И не только Харьковъ и Куряжъ, но и первоначальное мѣсто явленія св. иконы, Озерянка, ежегодно сводбляется видѣть явившійся въ ея предѣлахъ чудотворный образъ Богоматери. Въ 1862 году жители Озерянки и окрестныхъ селъ обратились къ бывшему тогда Харьковскимъ архіепископомъ пресвященному Макарію, внослѣдствіи митрополиту Московскому, прося его ходатайства у Св. Синода о разрѣшеніи приносить святыню въ Озерянскіе предѣлы ежегодно, на время съ 15 по 28 іюня. Разрѣшеніе было дано, и 15 іюня 1863 года чудотворный образъ Богоматери впервые принесенъ былъ на мѣсто своего явленія послѣ семидесятипятилѣтняго отсутствія, встреченный огромными толпами поселянъ. Съ этого года и по настоящее время св. образъ ежегодно пребываетъ въ трехъ мѣ-

стахъ, — въ Харьковѣ, Куряжѣ и Озерянкѣ. Во всѣхъ трехъ мѣстахъ на время отсутствія образа ставятся точныя копии съ него. Каждое перенесеніе бываетъ въ сопровожденіи торжественнаго крестнаго хода, на который стекаются массы богомольцевъ не только изъ Харьковскихъ предѣловъ, но и изъ мѣстъ отдаленныхъ.

Въ заключеніе нашего краткаго очерка скажемъ теперь нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ св. иконы. Озерянскій чудотворный образъ невеликъ размѣрами, — длина его около девяти съ половиною вершковъ, ширина около восьми. Писанъ на холстѣ, кистью древняго малороссійскаго художника. До сихъ поръ на холстѣ можно видѣть поперечную складку, — слѣдъ разбѣженія св. иконы на двѣ половины. Во всѣхъ трехъ мѣстахъ пребыванія образа онъ бываетъ покрытъ различными ризами: въ Харьковѣ драгоценною ризою, сдѣланною въ 1852 году усердіемъ гражданъ, въ Куряжѣ — монастырскою, въ Озерянкѣ — ризою, устроенною на средства Озерянскаго старосты и причта.

Что касается чудесъ, изшедшихъ отъ св. иконы Озерянской, то они безчисленны. Къ сожалѣнію, чудесамъ этимъ не ведется записи. Упомянемъ лишь объ одномъ, особенно поразительномъ: въ 1871 году, лѣтомъ, въ Харьковѣ была сильная холера; но едва св. образъ принесли въ городъ, эпидемія быстро прекратилась.

«Утѣшавшую христіанъ православныхъ въ дни агарянскаго и инославнаго гоненія, цѣлующую люди отъ язвы злокачественныя, просвѣщавшую страну Слободско-Украинскую Своимъ шестивѣемъ и во дни наши насъ не оставляющую, Пречистую Дѣву Марію, благоволившую явити въ веси Озерянкѣ Свой всечестный и чудотворный ликъ, Ту воспоимъ и ублажимъ Богородицу: избави насъ, Пресвятая Дѣво, отъ всякихъ обстояній». (Тропарь Озерянскому образу Богоматери).

КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА.

V.

Затворники лавры въ Суздальско-Владимірскій періодъ. — Епископы, вышедшіе изъ нея. — Матеріальное положеніе Печерской обители. — Ея благодѣянія. — Состояніе лавры въ періодъ монгольскаго ита.

ВЪ ДОСТОВѢРНОСТІЮ можно предпологать, что въ описанный нами Суздальско-Владимірскій періодъ въ Кіево-Печерской обители въ особенности процвѣла жизнь затворническая. О великихъ затворникахъ, бывшихъ въ то время въ Лаврѣ, не разъ упоминаютъ лѣтописи, и въ Кіевскихъ пещерахъ еще доселѣ нетлѣнно почиваютъ весьма многіе изъ св. затворниковъ, иногда извѣстные намъ только лишь по одному имени. Таковы: преп. Исаакій, Нектарій и Сергій Послушливые, Елладій Затворникъ, Онисимъ Затворникъ, Матѣей Прозорливый и др.

Къ великой чести и славы Печерскаго монастыря, въ этотъ періодъ русской исторіи, кромя добродѣтельной жизни Печерскихъ иноковъ, служило еще и то обстоятельство, что онъ не

переставалъ высылать изъ стѣнъ своихъ цѣлыя полки иноковъ, достойныхъ дѣлателей вертограда Христова.

Тотъ же іерархъ Русской Церкви, епископъ Владимірскій и Суздальскій, блаженный Симонъ, въ своемъ посланіи замѣчаетъ, что кромѣ 30-ти епископовъ, вышедшихъ изъ Кіево-Печерской Лавры, имена которыхъ были завесены въ старую Ростовскую лѣтопись, — послѣдствіемъ вышло изъ того же монастыря около 20-ти епископовъ за время съ прекращенія означенной лѣтописи до него, св. Симона (1226).

Что касается матеріальныхъ средствъ, какими владела Кіево-Печерская Лавра въ этотъ періодъ, то они были очень значительны и постоянно пополнялись новыми вкладами и пожертвованіями. Яснѣ всего это видно изъ тогдашнихъ записей на монастырь. Главными вкладчиками попрежнему оставались князья. Такъ, напримѣръ, супруга Минскаго князя Глѣба Всеволовича, Адастасія Ярополковна, завѣщая передъ своею кончиною похоронить себя въ Печерской обители близъ гроба св. Феодосія, пожертвовала этой обители пять селъ со сѣмью ихъ слугами и имуществами (въ 1158 г.).

За то не мало пришлось за это время испытать Печерскому монастырю и горькихъ, тяжелыхъ бѣдствій. Въ 1151 г. онъ вѣстѣ съ другими, окрестъ его расположенными Кіевскими монастырями, жестоко былъ разграбленъ Торками и Берендѣями. Въ 1169 году, при взятіи Кіева полчищами Великаго Князя Андрея Боголюбскаго, онъ былъ, — разумѣется вопреки приказанію самого князя — зажженъ его союзниками, дикими и свирѣпыми Берендѣями.

Въ 1205 году, при новомъ опустошеніи Кіева Рюрикомъ Ростиславичемъ и Половцами, Кіево-Печерская обитель жесточайшимъ образомъ была разграблена, разграблена такъ, какъ еще никогда не бывала ранѣе этого времени; мало того, нѣкоторые изъ иноковъ были убиты, а другіе отведены въ плѣнь къ иноплеменникамъ...

Наконецъ, самое послѣднее, самое ужасное и, можно сказать окончательное разореніе св. Кіево-Печерской обители послѣдовало въ 1240 году, когда полчища Батыевы взяли Кіевъ и овладѣли всею южно-русскою землею.

Въ 1240 году, во время кровопролитнаго взятія Кіева Монголами, обитель св. Феодосія подверглась полному и всеомертвенному разоренію: окружавшая ее каменная стѣна, нѣкогда еще строеніе преподобнаго Стефана, была срыта до основанія; всѣ келліи разрушены и соборная церковь ниспровергнута съ верху до половины и совершенно опустошена. Монастырь обезлюдѣлъ окончательно. Большая часть иноковъ была избита часть увели за собою въ качествѣ плѣнныхъ свирѣпыя Монголы; немногіе, оставшіеся въ живыхъ послѣ великаго погрома Кіевского, разбѣжались по лѣсамъ и по дебрямъ, и только изрѣдка и то тайкомъ могли пробираться въ полуразрушенный храмъ и тамъ отправлять Божественную Литургію на остаткахъ престола нѣкогда великолѣпной Великой церкви.

Хотя бѣдствія отъ нашествія Татаръ повторялись въ Кіевѣ не разъ еще и въ слѣдующіе три вѣка, какъ напр. около 1300 года, когда Кіевъ «разбѣжался, во стеряннасіи татарскаго,» въ 1399 году, во время нашествія Эдигея, и въ 1482 году, въ нашествіи Менгли-Гирея, однако-же Промыслъ Божій хранилъ Кіево-Печерскую обитель отъ конечнаго разоренія въ эти страшныя и бѣдственныя времена, и она послѣ каждого изъ этихъ разореній какъ-бы вновь воскресала изъ своего непа — все тою-же величественною и гордящею своимъ прошлымъ и великимъ призваніемъ просвѣщенія всей темной русской

земли, полной еще «мрака идольскаго и поганьскаго служенія».

Такъ, въ 1274 году архимандритъ Кіево-Печерскаго монастыря, Серапіонъ, произведенъ былъ во епископа Владимірскаго. Изъ этого извѣстія мы смѣло можемъ предположить, что знаменитая обитель Печерская продолжала существовать, хотя главный храмъ ея, до половины разрушенный и опустошенный дикими Монголами, оставался въ развалинахъ, и даже сами иноки, если вѣрять позднѣйшему сказанію, жили не въ самой обители, а вокругъ нея по дебрямъ и лѣсамъ, въ уединенныхъ пещерахъ, и тайно, безъ призыва колокола, ежеминутно опасаясь быть открытыми врагами христіанства и Россіи, одинъ по одному стекались въ одинъ изъ уцѣлѣвшихъ отъ разоренія предѣловъ Великой Церкви для совершенія самыхъ нужнѣйшихъ, рѣдкихъ и печальныхъ (по большей части, въ то время, погребальныхъ) церковныхъ службъ...

Въ 1288 году мы встрѣчаемъ вновь, во второй разъ, упоминаніе имени Кіево-Печерской обители: упоминается другой настоятель Кіево-Печерскаго монастыря въ этомъ году, игуменъ Агапиль, — по случаю участія его въ погребеніи Владиміро-Волынскаго князя Владиміра Васильковича.

Такимъ образомъ, и въ этотъ темный и мрачный періодъ нашей исторіи и русскаго быта, Кіево-Печерская Лавра не сошла съ историческаго горизонта и ни на одну юту не уменьшила своего значенія, оставаясь попрежнему все-тою же путеводною звѣздой къ свѣту Истины и Разума, правды и добра, расадницею образованности, благочестія и духовнаго просвѣщенія, все также стремящагося неустанно и неунынно на сѣверо-востокъ, въ старыя великороссійскія земли и княжества и во вновь возникающую и формирующуюся Москву.

КОЛЫБЕЛЬ ХРИСТІАНСТВА.

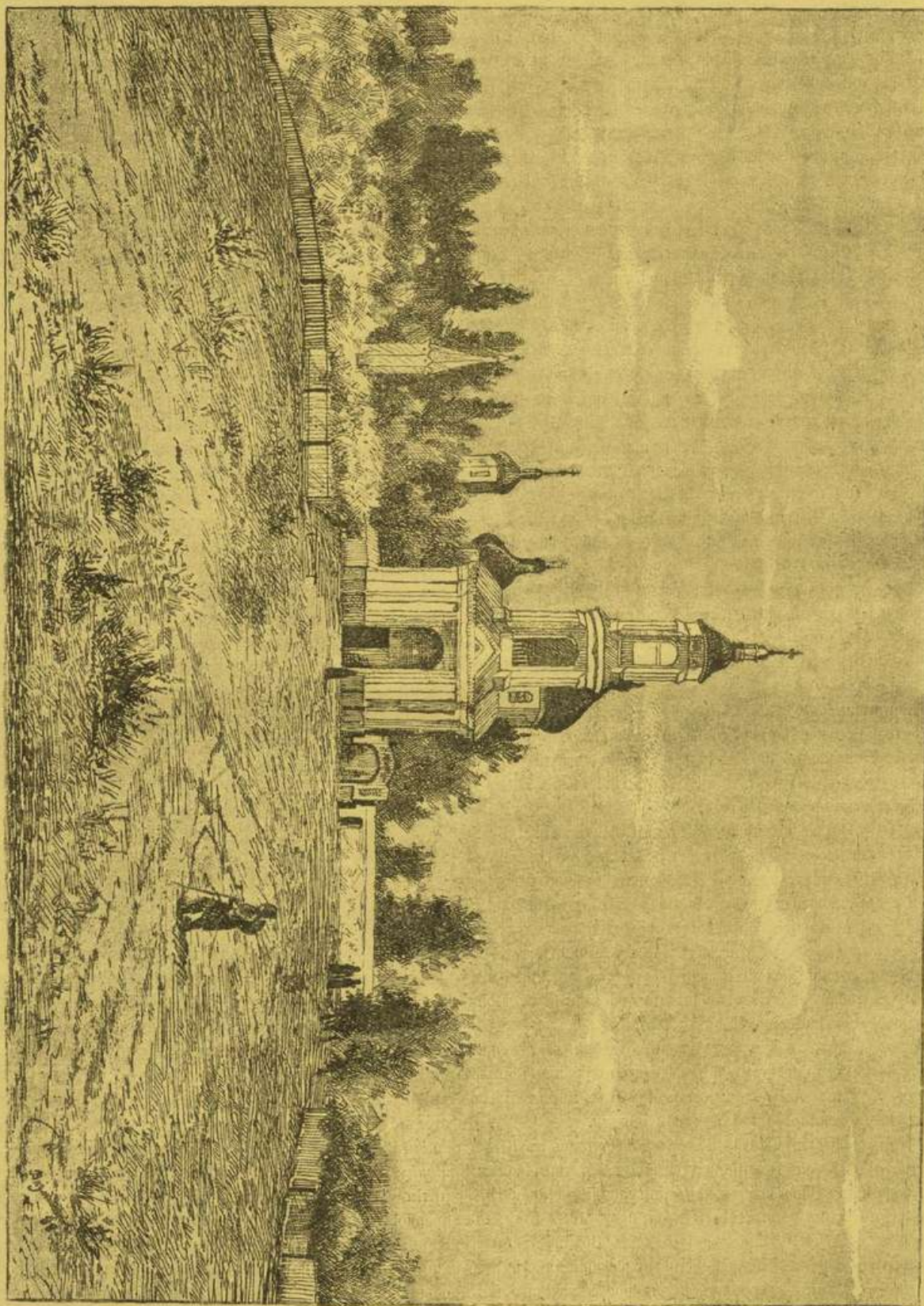
II.

(Оканчаніе).

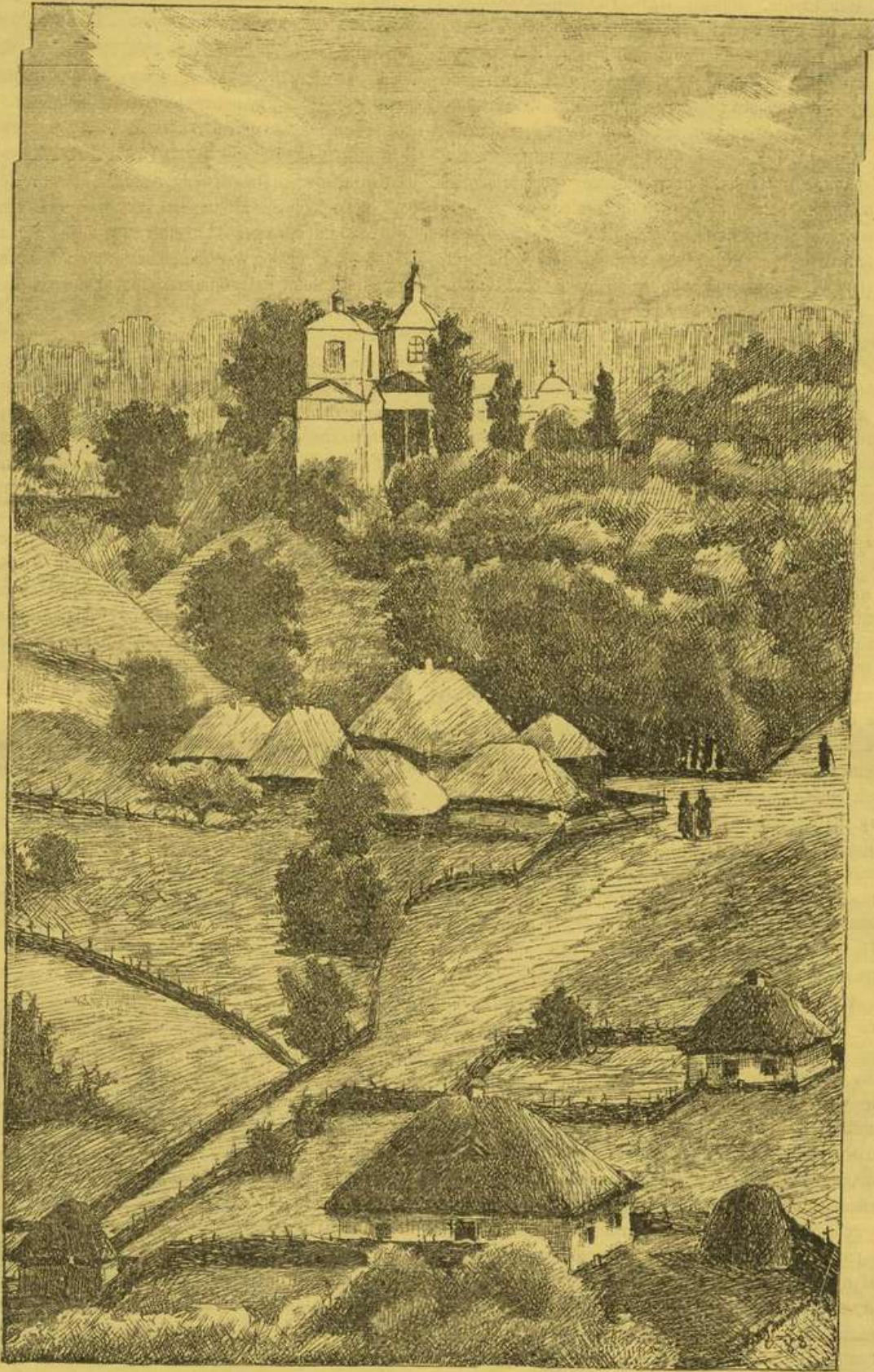

БРАЩАЯСЯ къ религіозно-нравственному состоянію древняго, дохристіанскаго міра, мы и его находимъ далеко несовершеннымъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что основу дохристіанскихъ религій (языческихъ), и на низшей и на высшей ступени ихъ развитія, составляла природа, неотразимо тяготѣвшая надъ свободнымъ сознаніемъ человѣка. Младенческій умъ дохристіанскаго человѣка видѣлъ въ явленіяхъ природы вполнѣ самостоятельныя дѣйствія. Апостолъ Павелъ говоритъ о язычникахъ, что они *измѣнили славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣннаго чловѣка, и титизъ, и четвероногъ, и ладь* (Рим. I, 23). Даже религіозныя понятія Грековъ и Римлянъ, наиболѣе просвѣщенныхъ народовъ древности, не были свободны отъ чувствознаго натурализма, и они приписывали своимъ богамъ всѣ свойства и слабости людскія. Гнѣвъ и распуство, ревность и мстительность также обычны на Олимпѣ (жилищѣ боговъ), какъ и между обыкновенными смертными. Тоже было и съ божествами другихъ языческихъ религій. Но, при всемъ томъ, языческіе боги до поры — до времени возбуждали еще къ себѣ почтеніе и благоговѣйное по-

Юрѣвскій Преображенскій монастырь.

Село Озерянка.

клоненіе. Скоро, однакоже, сознание языческих народов успѣло подняться настолько, что въ своихъ «догматахъ» они увидѣли пустое баснословіе, «миѳъ». Наглядно это сказалось, когда Римляне свезли въ «Вѣчный городъ» все, что было лучшаго въ провинціяхъ, когда по остроумному замѣчанію *Петронія*, въ Римѣ боговъ оказалось больше, чѣмъ людей. Римъ время императоровъ по справедливости можно было назвать обширнымъ пантеономъ, въ которомъ греческій Зевесъ подавалъ руку римскому Янусу, и Кибелла фригійская привѣтствовала египетскихъ Сераписа и Изиду. Скоро однако «божественные гости» Рима потеряли всякій смыслъ и значеніе посреди чуждаго имъ Рима. Установленная здѣсь іерархія божественныхъ чиновъ, во главѣ которой поставилась заживо обоготворявшійся Цезарь, вызвала въ прежнихъ почитателяхъ боговъ только отвращеніе къ нимъ и способствовала окончательному паденію старыхъ вѣрованій. Еще въ послѣднее время республики, *Катонъ* предъ дѣльмъ сенатомъ обвинялъ Цезаря, носившаго званіе верховнаго первосвященника, въ непризнаніи загробной жизни. Не много позже, при *Цицеронѣ*, авгуры и жрецы не могли безъ смѣха смотрѣть другъ на друга. Къ большому посрамленію языческихъ «небожителей» во времена 2-й Пунической войны появилась «Священная исторія», написанная грекомъ *Эвекторомъ*. Въ ней доказывалось, что «безсмертные боги»—простые люди, и что вѣра въ нихъ есть обманъ, съ дѣлю наживы, хитрыхъ жрецовъ, разсчитанный на невѣжество и малоразвитость черни. Все это, взятое вмѣстѣ, превратило религію въ простую формальность, и храмы опустѣли. «Паукъ заткалъ свою сѣтлю внутренность храма, дурная трава обвилась около покинутыхъ боговъ»,—говорили тогдашніе насмѣшники. Люди стали смѣяться надъ всѣмъ святымъ; суевѣры предавались гаданіямъ и астрологіи, посредствомъ которой надѣялись предугадывать будущее, наблюдая движеніе небесныхъ свѣтилъ. Но подъ пепломъ языческаго суевѣрія тлѣлся еще слабый свѣточъ вѣры въ «невѣдомаго Бога», и потому жаждавшіе вѣры надѣялись утолить себя въ таинствахъ *Мистеріи Персидскаго* и другихъ малоизвѣстныхъ мистическихъ божествъ. Когда же «вода утоленія» и въ этомъ плохомъ источникѣ оказалась слишкомъ мутною, то люди обратились къ *философіи* и въ ней искали разрѣшенія своихъ недоразумѣній. Но философскія системы взаимными противорѣчіями опровергали другъ друга и, разрушивъ вѣру во все мнимо святое, только вредили вѣрѣ и нравственности. Укажемъ только на двѣ такія системы: эпикурейскую и стоическую.

Эпикурейская философія поставила исходнымъ пунктомъ, своимъ исканіе удовольствій и освобожденіе отъ страданій. «Да я мы и шемы—вопіялъ питомецъ ея—утрѣ бо умремъ» и съ неудержимымъ влеченіемъ предавался самымъ изысканнымъ и утонченнымъ, во въ то-же время въ высшей степени чувственнымъ, нерѣдко безнравственнымъ и унижающимъ человѣческое достоинство удовольствіямъ.

Роскошь и расточительность этого времени доходила до того, что въ минуты пресыщенія люди богатые поливали виномъ деревья, какъ это дѣлалъ напр. поэтъ *Горенцій*. Самыя рѣдкія лакомства и яства дѣвались не столько по вкусу, сколько по дороговизнѣ и трудности ихъ добыванія. «Хочетъ-ли кто имѣть дорогой обѣдъ, у того навлизъ долженъ быть изъ Самоса, куры изъ Фригіи, журавли изъ Этоліи, томаты изъ Халкедона, мурены изъ Тартеса, щуки изъ Пессина, устрицы изъ Тарента, раковины изъ Хиоса, морская рыба изъ Родоса и Киликіи,

орѣхи изъ Фазы, финики изъ Египта, желуди изъ Испаніи». Кому не извѣстны, напримѣръ, изысканность и гадкое обжорство, обычныя на пышныхъ обѣдахъ Лукулла и другихъ, не знавшихъ что дѣлать со своими сокровищами, богачей? Безобразіе этихъ роскошныхъ обѣдовъ, какъ замѣчаетъ съ сердечною болью Сенека, доходило до того, что «обжоры принимали рвотное, чтобы (снова) ѣсть, и ѣли, чтобы ихъ вырвало.» Неудивительно поэтому появленіе среди такого общества неизвѣстныхъ, прежде страшныхъ болѣзней, мучившихъ и искажавшихъ невоздержныхъ сладодобцевъ. Въ противоположность этому, дѣляя толпы голоднаго оборваннаго народа, лишеныя возможности честнымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе, гибли отъ холода и голода... Чье сердце не обольется кровью при видѣ безнаказанности за лишеніе жизни беззащитныхъ, оторванныхъ отъ роднаго крова и семей, рабовъ!?

«Если, говорятъ современники, господишь испытывать желаніе видѣть своего раба окровавленнымъ на аренѣ лапою дикаго звѣря, то никакой законъ не запрещалъ ему этого».

Правда, и въ язычествѣ тлѣлась еще искра добра; позоръ и безстыдство нравственнаго состоянія общества и здѣсь находили себѣ обличителей, силвишихся уничтожить эту заразу, но ихъ усилія оставались безуспѣшными. При видѣ растлѣнія нравовъ, *стоики* пытались поднять и уквѣпить падавшую нравственность, но своею суровостью и ученіемъ о безотчетномъ и неотразимомъ подчиненіи законамъ природы, стоицизмъ заставлялъ людей смотрѣть на смерть, не только какъ на успокоеніе отъ тревожной жизни, но и какъ на ея конечную дѣлю. «Взгляни,—говоритъ Сенека Перону,—на старыхъ ратниковъ: они тверды подъ ножемъ врага, который касается ихъ ранъ и рѣжетъ ихъ члены... Будь же ратникомъ несчастія! Твои обѣдствія были безплодны, если ты не научился страдать». Отсюда-то происходило добровольное лишеніе себя жизни, или сознательное и не считавшееся преступнымъ самоубійство, причинами котораго были—или отчаяніе и тоска, или же равнодушіе къ жизни и, наконецъ, пресыщеніе жизнью. Состояніе языческаго міра было теперь таково, что онъ казался погибшимъ нравственно: пороки и преступления царили во всей своей наготѣ. «Все,—говоритъ Сенека,—исполнилось (тогда) преступленій и пороковъ; дѣло зашло такъ далеко, что не могло быть исправлено силою; наступило неслыханное состояніе разврата. Началась страшная борьба нечестія, и порокъ, потерявши уваженіе къ правдѣ и честности, смѣло поднимаетъ голову. Со дня на день возрастаетъ склонность къ грѣху, со дня на день исчезаетъ стыдъ,—и эта склонность, отвергая уваженіе ко всему лучшему и священному, устремляется куда попало. Духъ зла не скрывается больше во мракѣ, и преступленіе открыто выступаетъ предъ глазами всѣхъ. Духъ этотъ до такой степени оцѣпилъ общество, что развратъ сдѣлался столь открытымъ и такъ сильно укоренился во всѣхъ душахъ, что невинность не стала рѣдкостью, а исчезла совершенно. Дѣло идетъ не о личныхъ и рѣдкихъ уклоненіяхъ, но о всеобщемъ растлѣніи; родъ человѣческій, какъ будто по данному сигналу, возсталъ для того, чтобы смѣшать понятія о добрѣ и злѣ». Напрасно Персій, Ювеналь и другіе писатели возвышали свой голосъ противъ нравственнаго упадка своихъ несчастныхъ современниковъ! Ихъ голоса заглушались сладострастной пѣсней окованшаго всѣхъ цинизма и порока, и «весь міръ» даже и теперь оставался «великою ложью.» Образъ и подобіе Божіе перестали быть существомъ человѣка; на мѣстѣ истиннаго человѣка стояло теперь страшное чудовище, только одѣтое въ

кожу человѣческую! Оставленный, какъ больной, въ безнадежномъ состояніи, истощавшійся въ безплодныхъ волненіяхъ и съ каждымъ днемъ погружавшійся въ большее и большее нечестіе, языческій міръ дошелъ теперь до той степени изнеможения, что не могъ уже имѣть выхода изъ глубины сомнѣній и мрака, не давшихъ ничего, кромѣ отчаянія и смерти. Онъ задышался теперь въ тинѣ пороковъ и преступленій и всѣми силами искалъ выхода изъ своего несчастнаго положенія. Но такія попытки всякій разъ убѣждали его въ суетности и безплодности смѣлыхъ замысловъ уловить убѣгающую отъ него истину, и безнадежное человѣчество въ отчаяніи не только усомнилось, но совершенно отвергло истину. Дальше идти некуда!

И вотъ, въ то самое время, когда человѣчество, потерявшее силы держаться на высотѣ созерцанія Безконечнаго, въ горькомъ сознаніи своего удаленія отъ Бога, ныряло въ глубину сомнѣнія, отчаянія и отрицанія истины, въ это время въ Палестинѣ раздается успокоительный голосъ: «познаете истину, и истина сделаетъ васъ свободными!» (Іоан. 8, 32). Страданіямъ человѣческимъ конецъ! Во мракѣ и тьмѣ язычества занялась заря новой благодатной жизни. Въ Палестинѣ явился Востокъ свѣта, осіявшій сидящихъ во тьмѣ (Лук. 1, 78-79), возсіялъ истинный Свѣтъ и явилась самая Истина. *Азъ есмь путь, истина и жизнь* (Іоан. 14, 6)—возгласилъ Христосъ, и этотъ возгласъ заставилъ человѣчество обратить свой взоръ и вознести мыслью туда, гдѣ онъ раздавался—въ прежде незначительную Палестину. Послѣ того, какъ пришло на землю Само Божественное Слово, нѣтъ нужды человѣчеству ни въ какомъ «суетудрїи», незачѣмъ путешествовать ему ни въ Аѳины, ни въ Римъ, ни въ Александрію и другія средоточія цивилизаціи и учености древняго міра! Разрѣшеніе всѣхъ недоумѣній и вопросовъ жизни, вмѣстѣ съ осуществленіемъ всѣхъ чаяній и ожиданій міра, досталось на долю Палестины. Отъ нея одной человѣчество ожидало теперь удовлетворенія.

И Палестина, удостоившись быть мѣстомъ рожденія и страданій Спасителя, со славою и честью исполнила свой долгъ и оправдала возлагавшія на нее надежды. Здѣсь только измученное человѣчество, еще въ лицѣ Діогена циника днемъ, среди тысячной толпы, на площади съ фонаремъ въ рукахъ безуспѣшно искавшее «Человѣка», наконецъ нашло Его. Но Человѣкъ, явившійся въ Палестинѣ, былъ не обыкновенный человѣкъ. Это былъ Сынъ Божій, воспріявшій на Себя естество человѣческое (кромѣ грѣха).

Тамъ же—въ Палестинѣ—могли теперь утолять жажду вѣры тѣ, которыя были томимы ею. Эта благодатная страна, бывъ первоначальнымъ мѣстомъ распространенія ученія Христа—этого источника воды живой (Іоан. 4, 14), дала міру чрезъ Иисуса Христа новую религію, не знающую разліція ни племени, ни народа, ни пола, ни возраста, но одинаково обнимающую собою все человѣчество (Мате. 28, 19; Марк. 16, 15; Гал. 3, 28; Колос. 3, 11).

Въ Палестинѣ же дамы были первые уроки высочайшей и чистѣйшей нравственности. Не чувственность и пошлая человѣческимъ страстямъ проповѣдывалъ явившійся въ Палестинѣ Божественный Учитель, а самоотверженіе и строго-благочестивую жизнь, чуждую временныхъ удовольствій и того мерзкаго сладострастія, которыми было переполнено падшее человѣчество. Безотрадное подчиненіе природѣ въ ученіи Палестинскаго Проповѣдника высочайшей нравственности замѣнилось подчиненіемъ закону Всесовершеннаго и Любвеобильнаго Бога, предназначившаго человѣка къ нескончаемому нрав-

ственному развитію и совершенству. Отсюда и смерть перестала быть жалкимъ «концомъ и разрѣшеніемъ печали». Она сдѣлалась теперь путемъ, вводящимъ человѣка въ новую лучшую жизнь, гдѣ люди не будутъ уже болѣе видѣть и чувствовать опасностей со стороны многострастной плоти; гдѣ умъ въ душахъ святыхъ раскроется и озарится свѣтомъ первозданной чистоты и ясности; гдѣ откроется цѣлый міръ невидимыхъ дѣталь предметовъ и тѣмъ облегчится неудержимое стремленіе души къ вѣчной истинѣ, добру и красотѣ.

Все это, правда, хотя въ зародышѣ, и прежде существовало на почвѣ Палестины. Она всегда была хранительницею Богодарованной религіи и чтительницею Иеговы, Единаго истиннаго Бога, давашаго ей законъ нравственный и гражданскій. Но эта религія не распространилась за предѣлы ея, и языческій міръ не придавалъ ей подобающаго значенія. И только ко времени явленія въ міръ Христа Спасителя человѣчество создало, что само-собою оно не можетъ выйдти изъ своего бѣдственнаго состоянія и возжелало высшей благодатной для себя помощи. Съ того времени, какъ явился Искупитель міра, Палестина стала по истинѣ землею обѣтованною, дорогою не только для евреевъ, но и для всего человѣчества вообще. Все говорить въ ней о Томъ, Кто, насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія, не возгнушался стать равнымъ (кромѣ грѣха) человѣку и пролить за него Свою безцѣнную кровь. Въ Виллеемѣ Иудейскомъ Иисусъ Христосъ родился; подъ смиреннымъ кровомъ Назарета возрасталъ и укрьплялся, проводя время въ трудахъ дроводѣля; въ водахъ Іордана благоволилъ пріять крещеніе отъ Предтечи; среди пѣнищагося моря Галилейскаго, въ Канѣ, Канернаумѣ, Іерихонѣ, странѣ Гадаринской, Виваніи и во всей вообще Іудеѣ, Самаріи и Галилеѣ, явилъ Свое Божественное могущество и проповѣдовалъ Свое ученіе.

Но ни одному мѣсту во всей Палестинѣ, ни одной горѣ ея не досталась такая великая доля, какъ мѣсту Лобному, Голгоѣ. Прославленъ Кармилъ; но на немъ явилъ Себя Господь *во славу хлеба тонки* (3 Цар. 19, 12). Фавору и Ермону обѣщана была радость: они и дождались ея, и возрадовались о имени Господни (Ис. 88, 13), какъ и горы Елеонская и Сионъ. Но по ихъ ребрамъ не струилась святѣйшая Кровь Богочеловѣка, ихъ вершины не удостоились ороситься ею. Одна Голгова сподобилась быть и подножіемъ для жертвенника, и самымъ алтаремъ при закланіи Агнца, взяшаго на Себя грѣхи міра. Только она одна приняла на лице свое честную, животворящую и Боготочную Кровь Его. Мѣсто *Лобное*, такимъ образомъ, *рай бысть*. На немъ только *милость и истина стѣпаста, правда и миръ ободыдѣстаста*. На немъ только Царь міра, волею распростершій рудѣ Своей, вознесъ насъ на небо! Это священное мѣсто—мѣсто единственное не въ Палестинѣ только, но и во всемъ мірѣ, какъ мѣсто конечнаго поприща всей земной жизни Адама Поваго, и какъ начало новой, благодатной жизни и безсмертія для человѣка.

Вотъ причины той безграничной любви и благорасположенія, которыми такъ преисполнено сердце истиннаго христіанина къ этой священной землѣ. Надъ нею пронеслись безчисленное множество разрушительныхъ бурь, несмѣтныя полчища племенъ и народовъ, съ мечемъ и огнемъ, оставившихъ по себѣ кровавые слѣды разрушенія, грабежа и убійства. Но зато она постоянно была предметомъ глубокаго благоговѣнія, почитанія и поклоненія для христіанскихъ народовъ. Кто не знаетъ знаменательнаго въ исторіи Среднихъ вѣковъ времени Крестовыхъ походовъ, когда почти вся Европа оставляла свои родныя

мѣста, чтобы исторгнуть изъ рукъ невѣрныхъ обогрѣнную Пречистою Кровію и освященную Божественными стопами Спасителя Святую Землю? Кто станетъ удивляться тому, что «благодарные христіане, отъ лѣтъ древнихъ, пламенѣя любовью къ Святой Землѣ, предпринимали путешествія ко гробу Господню, исполнены всевозможныхъ лишеній и скорбей? Душа христіанская стремилась облобызать Голгофу, обогрѣнную Кровію Спасителя, преклониться предъ Гробомъ Господнимъ и излить здѣсь скорбь свою?» Палестина и въ особенности Іерусалимъ есть любимое мѣсто и для русскихъ богомольцевъ, почти отъ самыхъ первыхъ дней христіанства на Руси (Игумень Даниилъ въ нач. XII вѣка). Путешествовали русскіе туда и моремъ, и сушею, и много имѣли бѣдствій (лишеній и стѣсненій на пути*).

Какъ птенцы подъ крылья орла, и теперь стекаются въ Палестину, и никогда не перестанутъ стекаться въ неисчислимомъ множествѣ — тысячами тысячъ, изъ всѣхъ странъ міра, всѣищущіе Господа, чтобы поклониться Ему на мѣстѣ святомъ Его, гдѣ стояли пречистыя нозѣ Его, гдѣ началось радостное утро христіанства, гдѣ Духъ Святой, во огненныхъ языцѣхъ сошедшій на св. апостоловъ, сотворилъ ихъ ловцами человѣковъ во общество спасаемыхъ, на небесѣхъ написанныхъ. Истинный ученикъ и послѣдователь Христовъ не имѣетъ въ себѣ настолько силъ, чтобы не стремиться ду-

хомъ туда, гдѣ родился, страдалъ, умеръ, спогрѣбся, воскресъ и возшелъ превыше всѣхъ небесъ возлюбленный и сладчайшій Іисусъ — Господь и Божественный Учитель, Которому должны принадлежать всѣ помышленія человѣческія, всѣ чувства и всѣ движенія нашего сердца. Вотъ почему истинный христіанинъ невольно обращаетъ взоры своего ума и сердца къ Святой Землѣ, знаменитой событіями, тамъ совер-

шившимися, — землѣ чудесъ, странъ изъясѣхъ странъ свѣта, по преимуществу, и благой (Второзак. 9, 25), и святой (Захар. 2, 12). Туда влечетъ его та присущая ему безконечная сила безграничной любви, которая согрѣваетъ его сердце, при видѣ великихъ событийъ Библейскихъ, воспламеняетъ его духъ до огненной молитвы и не позволяетъ ему оторваться отъ нихъ своихъ взоровъ, какъ отъ зрѣлица высшей духовной красоты и высшаго духовнаго наслажденія. Вотъ почему, благодаря безкорыстнымъ стараніямъ Православнаго Палестинскаго Общества и его powerful вспомоществованіямъ, въ послѣднее время усилилось путешествіе русскихъ богомольцевъ во Св. Градъ Іерусалимъ и другія

Преподобный Давидъ Гареджійскій.

мѣста Палестины. Каждый годъ теперь ходитъ туда на богомолье изъ Россіи до трехъ и болѣе тысячъ человѣкъ. Для нихъ, тамъ, за стѣною Іерусалима, устроены дома. Но теперь эти помѣщенія стали тѣсны и потому пребываніе паломниковъ бываетъ для нихъ крайне затруднительно. Дома эти и существующія внѣ Іерусалима подворья для русскихъ богомольцевъ требуютъ расширенія. Для религіознаго

*) Поуч. Правосл. Палестинск. Общества

назиданія богомольцевъ нужны религіозныя бесѣды, чтеніе душевнеспасительныхъ книгъ. И ни библіотеки, ни книжной лавки, хорошо обставленной и вполнѣ книгами снабженной, тамъ нѣтъ. Нужны разумные, опытные, просвѣщенные, услужливые, безкорыстные русскіе проводники богомольцамъ по Св. мѣстамъ Палестины. А на содержаніе ихъ пока нѣтъ еще средствъ. Требуются средства и на возведеніе прочной русской постройки на русскіяхъ раскопкахъ рядомъ съ Гробомъ Господнимъ. Нужна помощь наша и православнымъ арабамъ, не имѣющимъ ни школъ, ни образованныхъ туземныхъ пастырей, ни благолѣпно обставленныхъ храмовъ. А бѣдныхъ православныхъ арабовъ окружаютъ и одолеваетъ враги православія. И все это нужды неотложныя. Поэтому Совѣтъ Православнаго Палестинскаго Общества, возникшаго съ цѣлію помогать православнымъ и путешествующимъ во Святую Землю и тамошнимъ урожденцамъ и не имѣющимъ вполнѣ достаточныхъ на то средствъ, съ твердою вѣрою въ доброту русскаго сердца, обращается къ православнымъ христіанамъ съ просьбою оказать свою помощь на означенные труды. Не откажите-же, добрые люди, съ своимъ сочувствіемъ и помощи Святому дѣлу!.. *Да не явима мы во Святомъ градѣ предъ Господемъ твоимъ* (Второзак. 16, 17)... *Да не умолкнетъ русское сердце ради Сіона* и русская милостыня во Святую Землю, *да не попуститъ* врагамъ православія погубить сѣмена той истинной вѣры, которую насадилъ тамъ Божественный Страдалецъ, Господь и Учитель нашъ, устами Апостола (Евр. 12, 22) зовущій и вселяющій насъ въ *Иерусалимъ Небесномъ*.

Священникъ Стефанъ Кохановъ.

Г. Изюмъ, Харьк. епархіи.

ЖИЗНЬ И ЧУДЕСА

преподобнаго Давида Гареджійскаго.

ЗДИНОВѢРНАЯ намъ Церковь Грузинская, подобно своей старшей сестрѣ, великой Церкви Русской, украшена цѣлымъ сонмомъ великихъ угодниковъ Божіихъ: святителей, преподобныхъ, мучениковъ, подвижниковъ и другихъ святыхъ, подвигамъ и добродѣтелямъ которыхъ до сихъ поръ дивится всякій благочестивый христіанинъ. Одно изъ первыхъ мѣстъ въ этомъ славномъ сонмѣ занимаетъ отецъ Грузинскаго иночества преподобный Давидъ Гареджіискій, основатель Грузинской Оиванды.

Въ исторіи ничего неизвѣстно о молодыхъ годахъ этого великаго свѣтильника Иверіи, кромѣ лишь того, что онъ былъ родомъ изъ Сиріи;— на исторической сценѣ преп. Давидъ является уже зрѣлымъ мужемъ, въ качествѣ ученика преп. Іоанна Зеданійскаго. Слѣдуя за своимъ знаменитымъ наставникомъ,

преп. Давидъ покинулъ свою родину, цѣлующую Сирію, и удалился въ Иверію, страну тогда еще полу-варварскую, едва просвѣщенную свѣтомъ Христовой вѣры, многіе обитатели которой еще косили во мракѣ огнепоклонничества. Прибывши въ Грузію, св. мужъ поселился около г. Тифлиса, на горѣ, нынѣ называемой «Святою Горюю.» Разъ въ недѣлю онъ покаръ свое убѣжище и, спустившись въ городъ, насаждалъ въ сердцахъ его жителей сѣмена св. вѣры. Но пребываніе чудотворца около Тифлиса длилось недолго. Раздраженные успѣхомъ проповѣди св. Давида, огнепоклонники искали лишь случая, чтобы оклеветать праведника, и случай скоро представился.

Въ то время около Тифлиса жила отшельница, которая впала въ грѣхъ и сдѣлалась беременною. Тифлисскіе іереи потребовали, чтобы она объявила имя своего соблазнителя. Тогда огнепоклонники подкупили женщину, чтобы она всю вину сложила на св. Давида. Преподобный былъ призванъ къ суду. Когда судьи спросили святаго, сознается ли онъ въ своемъ преступленіи, Давидъ, ничего не отвѣчая, взявъ жезлъ свой, увѣнчанный крестомъ, и, прикоснувшись имъ до чрева нецѣлomorphic отшельницы, спросилъ: «Я-ли твой отецъ? Отвѣчай скорѣе!»—«Нѣтъ! Нѣтъ!»—отвѣчало дитя изъ чрева матери и назвало своимъ отцемъ какого-то кузнеца.

Послѣ этого чудснаго происшествія, преп. Давидъ покинулъ Тифлисъ и, сопровождаемый вѣрнымъ своимъ ученикомъ Лукіаномъ, удалился въ пустыню Гареджіискую. Достигши уединеннаго мѣста на скалистомъ берегу рѣки Куры, преподобный сказалъ своему спутнику:

— Братъ Лукіанъ, видишь-ли это прекрасное и безмятежное мѣсто? Водворимся здѣсь иночествомъ, пребывая всегда въ молитвѣ, постѣ, бодрствованіи и терпѣніи отъ временныхъ болѣзней, чтобы сподобиться прощенія грѣховъ...

Блаженный Лукіанъ высказалъ опасеніе, чтобы имъ вскорѣ не пришлось оставить избранное преподобнымъ мѣсто, такъ какъ оно было бесплодно и дико, но св. Давидъ указалъ ему на Промыслъ Божій, испославшій манну Израилю и пославшій черезъ врана хлѣбъ гонимому Іліи. Послѣ того оба подвижника поселились на этомъ мѣстѣ и стали проводить жизнь исполненную трудовъ, подвиговъ и лишеній. Единственную пищу ихъ составляла пустынная трава и корни растений. Черезъ нѣсколько дней однако отшельники лишились и этой скудной пищи,—отъ сильнаго зноя всѣ растенія засохли. Менѣе крѣпкій духомъ ученикъ сталъ скорѣе, страхался неминуемаго голода, но дивный учитель снова утѣшилъ его. «Отчего ты такъ скоро сталъ малодушнымъ?»—говорилъ св. Давидъ.—«Развѣ ты не знаешь, что если мы умремъ ради заповѣдей Господнихъ, то вмѣсто земнаго тѣлвнн оживемъ душою предъ Христомъ?»...

Не успѣлъ преподобный окончить своей рѣчи, какъ вдругъ къ нему прибѣжали три оленьихъ самки со своими дѣтенышами и послушно остановились предъ великимъ подвижникомъ. Преподобный тогда велѣлъ Лукіану надѣть оленьяго молока и, осѣнивши послѣднее знаменіемъ креста, превратилъ его въ свѣжій сыръ. Пораженный всѣмъ видѣннымъ Лукіанъ прославилъ Бога и обѣщалъ своему учителю никогда болѣе не заботиться о суетной преходящей жизни и не роптать о пропитаніи, даже если-бы ему пришлось умирать отъ голода и жажды.

Послѣ того оба отшельника съ новымъ воодушевленіемъ стали подвизаться во славу Божію. Оленье молоко было ихъ единственнымъ питаніемъ, которое они вкушали каждый день

кромѣ среды и пятка,—въ эти дни подвижники не вкушали ничего и все время проводили въ молитвѣ, съ воздѣтыми къ небу руками.

Но врагъ рода человѣческаго, діаволъ, недолго оставялъ въ покоѣ святыхъ мужей и посѣтилъ ихъ новымъ искушеніемъ. Онъ поселился въ страшномъ драконѣ, скрывавшемся въ одной изъ пещеръ Гареджійскихъ, лежавшей ниже пещеры преподобныхъ. Однажды, когда олени св. Давида подошли близко къ берлогу дракона, чудовище похитило одного изъ оленятъ и пожрало. Остальные въ смятеніи приближали къ пещере отшельниковъ. Когда преп. Давидъ увидѣлъ, что одного оленя нѣтъ, онъ взялъ свой посохъ съ изображеннымъ наверху его крестомъ и пошелъ искать похитителя. Приблизившись къ пещерѣ, онъ замѣтилъ дракона и безбоязненно сказалъ ему: «Злодѣй, зачѣмъ ты обидѣлъ оленей моихъ и похитилъ у нихъ дѣтеныша? Теперь выходи изъ этого мѣста и иди въ необитаемую пустыню, иначе поражу тебя этимъ посохомъ и крестомъ Христовымъ». Обличенный демонъ отвѣчалъ святому мужу человѣческимъ голосомъ,—умоляя о пощадѣ; онъ просилъ св. Давида позволить ему удалиться въ воды рѣки Куры. Преподобный согласился. Драконъ вышелъ изъ своей берлоги и направился на берегъ рѣки, причѣмъ отъ хожденія его скалы стали трескаться съ ужаснымъ шумомъ. Увидя это, Лукіанъ въ ужасѣ упалъ на землю, какъ мертвый; Давидъ—же отвернулся отъ чудовища и спокойно направился въ свое жилище. Вдругъ онъ услышалъ сзади себя голосъ Ангела, звавшій: «Давидъ! Давидъ!» Обернувшись, преподобный увидѣлъ, что огонь упалъ съ неба и поразилъ дракона. Это весьма огорчило св. мужа, и онъ воззвалъ къ Господу: «Боже, Боже мой! Что сотворилъ Ты? Тотъ драконъ положился на меня съ упованіемъ, а Ты огнемъ истребилъ его». Тогда свѣтоносный ангелъ, явившись святому, утѣшилъ его: «Что ты такъ беспокоишься, отче Давидъ, объ одномъ червякѣ? Развѣ не знаешь, что если-бы онъ вошелъ въ рѣку и по ней достигъ моря, то погубилъ бы много кораблей? Не скорби о погибелѣ его, ибо такъ изволилъ Богъ. Иди въ свою пещеру, гдѣ твой ученикъ лежитъ подобно мертвому, укрѣпи и утѣшь его. Лучше тебѣ заботиться о словесныхъ духовныхъ дѣтяхъ своихъ, чѣмъ о бессловесномъ зломѣ звѣрѣ». Преподобный пересталъ скорбѣть и, пошедши къ Лукіану, успокоилъ его.

Нѣкоторое время мѣсто подвиговъ обоихъ пустынниковъ оставалось невѣдомымъ никому, но затѣмъ,—однажды, Гареджійскую пустыню посѣтили охотники и, увидѣвъ оленей св. Давида, стали преслѣдовать ихъ. Испуганныя животныя поспѣшили укрыться подъ защиту своихъ покровителей. Охотники послѣдовали за ними и вошли въ пещеру преподобнаго. Здѣсь они увидѣли обоихъ пустынниковъ и около нихъ кротко стоявшихъ оленей. Удивившись чуду, звѣроловы пали къ ногамъ св. Давида и просили, чтобы онъ принялъ ихъ въ соучастники своихъ подвиговъ и сталъ ихъ руководителемъ въ жизни отшельнической. Но Гареджійскій чудотворецъ, безъ сомнѣнія вида, что они неспособны къ жизни въ дикой и бесплодной пустынѣ, отклонялъ желаніе охотниковъ, посовѣтовавъ имъ спасать свои души на своихъ мѣстахъ, удаляясь отъ зла и творя дѣла милости. Выслушавъ совѣтъ святаго, звѣроловы разошлись по своимъ селеніямъ и повсюду разнесли молву о дивномъ пустынникѣ Гареджійскомъ. Тогда многіе стали посѣщать мѣсто подвиговъ св. Давида, чтобы видѣть чудотворца и принять отъ него благословеніе. Нѣкоторые изъ посѣтителей пожелали навсегда пребыть около дивнаго аввы и из-

сѣкли около его пещеры колодцы и пещеры для себя. Такъ получила свое начало Грузинская Фиванда въ необитаемой прежде пустынѣ Гареджійской.*)

(Окончаніе въ слѣд. №).

ПЕТРУША БОЖЬЯ-ДУША.

(Изъ Московскихъ воспоминаній).

III.

Отвѣтъ Петруши.

— Трудный вопросъ задать ты мнѣ, Порфирій Ивановичъ,—очень трудный,—началъ старикъ тихимъ голосомъ,—и не знаю ужъ что и отвѣчать тебѣ. Вѣрно твое слово: что большой грѣхъ ослушаться воли родительской, а и клятву переступить—тоже грѣхъ не малый; нехорошо обмануть сироту; она вѣрить тебѣ и ты долженъ заслужить сіе довѣріе; на послѣднихъ скажу еще и то, что тяжкій, незамолимый грѣхъ таинство священное осквернить, а идти съ немилымъ человѣкомъ къ алтарю, неся въ сердцѣ любовь къ другому, дѣть клятву и въ залогъ сего приобщиться крови Христовой—развѣ это не кощунство, не оскверненіе таинства?

Старикъ замолчалъ и понурился.

— Охъ, трудный вопросъ задать ты мнѣ, Порфирій Ивановичъ, и тяжело мнѣ отвѣчать на него, потому тяжело, что отвѣтъ мой уязвитъ ваши сердца. Господь васъ испытать хочеть и вы должны покориться волѣ Его. Вотъ мой совѣтъ. Ты, Порфирій Ивановичъ, иди къ отцу и еще разъ проси его...

— Не стой и ходишь,—безнадежно махнулъ рукой Порфирій,—отецъ мой что скажетъ—отрѣжетъ и ни въ жизнь своего рѣшенія не перерѣшитъ.

— Ну, коли не перерѣшитъ, такъ стало быть дѣлать ничего и надежить тебѣ покориться...

— Какъ, стало быть!.. вскричалъ пылко Порфирій.

— И надежить тебѣ покориться,—тѣмъ же невозмутимымъ, ровнымъ голосомъ продолжалъ старикъ,—скажи ему, что коли такова его воля, то ты супротивъ ее не пойдешь и на Настѣ не женишься; но чтобы ужъ и онъ тебя не неволилъ жениться на Марфушѣ Бѣлберезовой, скажи ему прямо, что не хочешь брать грѣха на душу.

— Стало быть, намъ николи и не вѣнчаться? убитымъ голосомъ спросилъ Порфирій, съ тоскою глядя въ лицо помертвѣвшей Настѣ.

— Теперь нельзя. Подождите. Мало-ль что случиться можетъ?

— Ничего не случится,—пылко воскликнулъ Порфирій,—пока старикъ живъ, онъ не согласится ни за что, а умирать онъ и не думаетъ. По крайности лѣтъ двадцать еще выживетъ.

— И дай Богъ, пошли Господь долгодѣіе и здравіе. Странный грѣхъ желать отцовою смерти.

— Да я вѣшто желаю?—я такъ сказала, къ слову, что стало быть не видать намъ счастья.

— Сынъ мой,—кротко возразилъ старикъ,—вѣдь я тебя не неволю, дѣлай какъ знаешь, а только по моему разуму иначе поступить нельзя.

Точно убитые, блѣдные и печальные стояли молодые люди передъ старикомъ; сердца ихъ болѣзненно сжались и они не смѣли вагаянуть въ лицо другъ другу.

— Боже-жъ ты мой,—воскликнулъ Порфирій,—веужли-жъ намъ такъ и разстаться на вѣки?.. а клятва моя, что общалъ я ей?

— Клятвы ты своей не нарушишь. Дайте вы теперь другъ другу великое обѣщаніе, ты, Порфирій Ивановичъ, въ томъ что пока жива Настя, ты не женишься и не полюбишь другую, а вы, Настасья Ильинишна, тоже самое обѣщайте Порфирію Ивановичу. На того-же, кто первый нарушитъ сіе обѣщаніе—

*) Изображеніе св. Давида заимствовано изъ книги: «Рай Грузинскій Церква», соч. М. П. Сабинава.

пусть падеть вся вина, и коли одинъ изъ васъ преступить свое слово, и другой волеетъ сдѣлать тоже. Общайтесь?

— Общайтесь! тихо и грустно произнесли въ одинъ голосъ молодые люди.

— Помните-же свое обѣщаніе. Ну, дѣти, мнѣ теперь и къ дому пора. Помогите намъ Богъ; да вотъ еще мой совѣтъ, встрѣчайтесь порѣже—частыя встрѣчи къ добру не ведутъ и къ одному горю, чего добраго прибавять другое. Такъ-то! Ну прощайте, не обезсудьте старика!

И поднявшись со скамеечки, Петруша неторопливо побрелъ по тропинкѣ. Пройдя десятка два шаговъ, онъ вдругъ остановился и оглянулся. Порфирій и Настя стояли на томъ же мѣстѣ, блѣдные и печальные; старикъ съ минутой посмотрѣлъ на нихъ и вдругъ словно подъ наитіемъ какого-то вдохновенія, поспѣшно вернулся, взявъ Порфирія за руку и торопливо зашепталъ ему на ухо:

— Не кручинься, добрый молодецъ; вѣрь моему сердцу, а оно предсказываетъ мнѣ, что раньше, чѣмъ опять зазеленѣетъ это дерево, наступятъ ваши радостные денечки.

— Что ты этимъ хочешь сказать? въ волненіи воскликнул Порфирій.

— Молись, жди и надѣйся! и, сказавъ это, Петруша быстро, насколько позволяли ему его старыя ноги, зашагалъ къ Москвѣ.

IV.

Больной.

Въ домѣ первогильдейскаго купца Ивана Парамоновича Беркутова тишина и уныніе. Всѣ домашніе Беркутова ходятъ на ципочкахъ, говорятъ шопотомъ. Самъ грозный хозяинъ, угрюмый, крутовравный Беркутовъ лежитъ въ своей низкой, пропитанной запахомъ деревяннаго масла и укуса, жарко натопленной комнатѣ, на широкой деревянной кровати. Вотъ уже пятая сутка, какъ крѣпкая, могучая натура Ивана Парамоновича борется со смертію. Пятьдесятъ шесть лѣтъ прожилъ Беркутовъ и ни разу не испыталъ, что такое хворость окающая, и вдругъ свернулся. Попуталъ его Господь. Встрѣтился какъ-то съ Беркутовымъ дряхлый, дряхлый старичекъ, просить именемъ Божиимъ. Не въ духѣ былъ купецъ, ничего не далъ, да еще и обругалъ бѣдняка:—Много-же васъ тутъ шляется, всѣхъ одѣвать, самому по міру идти!—Пожалѣвъ Иванъ Парамоновичъ кофѣйки нищему, а въ тотъ-же день, купилъ у товарища своего купца Саишниковъ его знаменитаго «Перелета». Давно подбивался Беркутовъ, давно подговаривался къ знаменитому рысаку, но Саишниковъ менѣе десятка тысячъ не хотѣлъ. И конь хорошъ и денегъ жалъ. Думалъ, думалъ Иванъ Парамоновичъ, да и махнулъ рукой.—Эхъ, была не была, получай деньги! Свезъ онъ Саишникову десять тысячъ и на другой же день утромъ рано велѣлъ заложить «Перелета» въ бѣговныя санки.

Любилъ Беркутовъ хорошихъ лошадей, и зналъ въ нихъ толкъ. Много перебывало у него ихъ, а такой какъ «Перелетъ» не было, да и по всей Москвѣ другой такой не было. На бѣгу никому не давалъ обойти себя и всегда бралъ первые призы.

Мчится Иванъ Парамоновичъ ва дорогомъ своемъ конѣ, мчится, а самъ налюбоваться на него не можетъ, а конь дѣйствительно не конь—вихрь. Медкой пылью сыплется снѣгъ изъ подъ копытъ, гордо развѣвается пышная грива, ноздри раздулись, черные глаза блестятъ какъ уголья, серебромъ отливаютъ сѣрая въ яблокахъ масть. Мчится Иванъ Парамоновичъ, по узкимъ кривымъ улицамъ матушки-Москвы и не столько видитъ, сколько всѣмъ существомъ своимъ чувствуетъ, какъ останавливаются прохожіе, оглядываются на него и завистливымъ, любующимся взглядомъ провожаютъ блестяща легкія саночки. Мчится старикъ, любуясь своимъ конемъ и не замѣчаетъ, что поясъ его дорогой енотовой шубы развязался, полы распахнулись на груди и морозный провзательный вѣтеръ жадно охватываетъ его тѣло, проникаетъ до костей... Часа черезъ два вернулся Парамоновичъ на замыленномъ тяжело-дышащемъ конѣ, прозябшій, усталый, но довольный. Самъ своеручно распрягъ онъ своего любимца и долго еще стоялъ на дворѣ и глядѣлъ, какъ его проваживали.

— Однако и продрогъ таки! замѣтилъ Беркутовъ, входя въ комнату, и велѣлъ подать чаю. Но и чай не согрѣлъ его; къ вечеру лихорадка усилилась, а въ ночь старикъ потерялъ память. Весь домъ всполошился. Послали за докторомъ, тотъ прѣхалъ, внимательно осмотрѣлъ больного и озабоченно покачалъ головой. Дѣло было плохо, очень плохо и докторъ не

скрылъ отъ домашнихъ, что опасность очень велика. Всѣ приуныли.

Задумчивъ сидѣлъ въ своей горенкѣ Порфирій Ивановичъ. Вотъ уже пятый мѣсяць пошелъ съ того дня какъ встрѣтился онъ и Настя подъ вѣковымъ дубомъ на «Проклятомъ мѣстѣ» съ Петрушей и выслушали его совѣтъ. Съ того дня грусть-тоска глубоко запала въ его душу и дня не проходило, чтобы не скучалъ онъ по своей возлюбленной. Порфирій не имѣлъ даже и утѣшенія въ своемъ горѣ, ибо только смерть отца могла соединить его съ Настей, но какъ ни любилъ онъ свою невѣсту, ему и въ мысль не входило желать смерти своему отцу, котораго онъ, хотя и боялся, но вмѣстѣ съ тѣмъ и любилъ всѣмъ сердцемъ. Слова доктора, его опасенія чрезвычайно встревожили Порфирія и онъ со страхомъ по нѣскольку разъ подходилъ къ дверямъ отца, прилушничаясь къ его нервному, горячечному дыханью и бреду. Вотъ и теперь онъ только что былъ въ спальнѣ Ивана Парамоновича; ему показалось, что онъ зоветъ его, но старикъ былъ въ безпамятствѣ и не узнавалъ сына. Поставивъ надъ нимъ минуты три, Порфирій осторожно вышелъ и вернулся въ свою комнату.

— Чѣмъ-то все это кончится? въ сотый разъ задавалъ онъ себѣ мучительно-тревожный вопросъ.

Дверь тихо скринула и въ комнату, крестясь на иконы, вошелъ Петруша. Порфирій чрезвычайно обрадовался, увидѣвъ его; нѣсколько мѣсяцевъ какъ не видѣлись они, почти что съ самаго того дня, какъ встрѣтились тогда на «Проклятомъ мѣстѣ».

— Здоровъ будь, отецъ честной,—привѣтствовалъ Порфирій странника,—откуда Богъ несетъ? давно не видѣлись мы съ тобой.

— Давненько, сыночекъ,—ласково отвѣчалъ старикъ,—давненько. Ты спрашиваешь, откуда я? Изъ Кіева, соколикъ, отъ Печерскихъ угодниковъ; ходилъ туда по обѣщанію; еще лѣтомъ хотѣлъ; да не досужно было, а вотъ теперь Господь сподобилъ.

— Доброе дѣло, эхъ, доброе дѣло! Мнѣ тоже давно какъ туды хотѣлось, да вотъ не соберусь никакъ. О нашихъ-то дѣлахъ слышалъ небось?

— Какъ не слышать, слышалъ,—сокрушено вздохнул Петруша,—больше для того и пришелъ сюда, хотѣлось бы повидаться съ отцомъ твоимъ.

— Да онъ въ безпамятствѣ, никого не узнаетъ, я сейчасъ только что ходилъ къ нему.

— А ты еще разъ сходи, будь другъ; скажи, молъ, Петруша повидать ваше степенство желаетъ; сходи соколикъ, онъ може очнувшись.

Порфирій послушно всталъ и на ципочкахъ прошелъ къ отцу. Черезъ минуту онъ вернулся и не безъ удивленія сообщилъ Петрушѣ, что отецъ его дѣйствительно пришелъ въ себя и очень обрадовался приходу Петруши.

— Просить, чтобы ты пришелъ посидѣть съ нимъ.

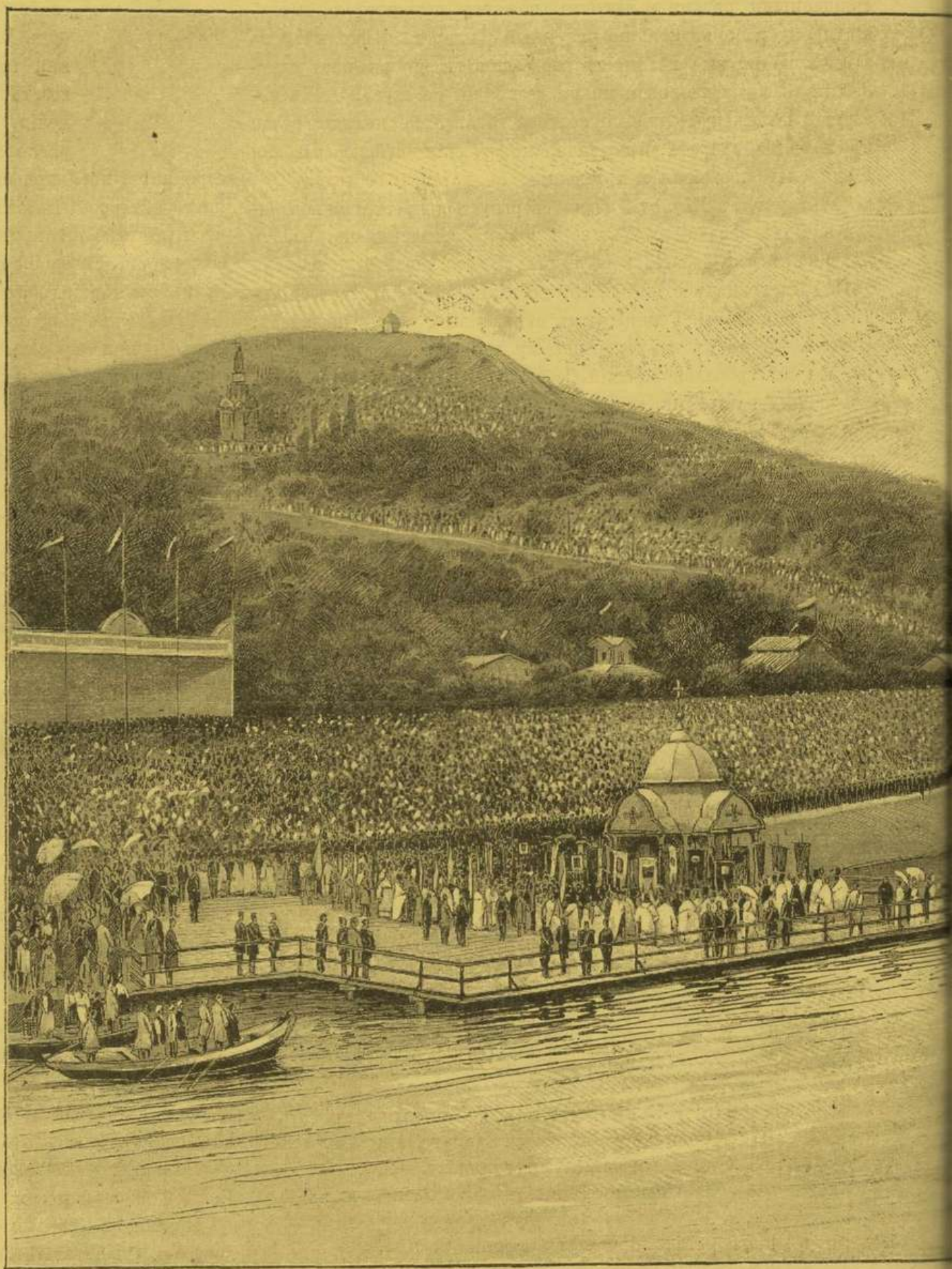
— Вотъ видишь, соколикъ,—сказалъ тотъ,—мое сердце вѣщунъ! И старикъ поспѣшно пошелъ за Порфиріемъ въ комнату Ивана Парамоновича.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Вѣсти съ Востока.

Привѣтственная рѣчь патріарха Діонисія.—Ихъ Императорскія Высочества, Великіе Князья Сергій и Павелъ Александровичи и Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, отправляясь въ благочестивое путешествіе во Св. Землю, на пути посѣтили Царьградъ и провели здѣсь нѣсколько дней, осматривая его святыни и достопримѣчательности. Между прочимъ Августѣйшіе гости посѣтили и Царьградскую патріархію и въ патріаршей

Торжественное освящение в

Годичков

Эд. Тонне. Д.

церкви были приветствованы святѣйшимъ патриархомъ Діонисіемъ слѣдующею рѣчью: «Ваши Императорскія Высочества! Съ невыразимою радостью и душевнымъ восторгомъ встрѣчая нынѣ Ваши Императорскія Высочества въ сей великой церкви Христовой, отъ полноты сердца поздравляемъ Васъ съ благополучнымъ прибытіемъ, приветствуя: добро пожаловать! Благодаримъ Вседержителя Бога, что удостоилъ насъ отъ апостольскаго и патриаршаго сего престола благословить вашими патриаршими молитвами благочестивыя главы Вашихъ Высочествъ, Великаго Князя Сергія съ благочестивою супругою Его, Великою Княгинею Елизаветою, Великаго Князя Павла, любезныхъ братьевъ Его Величества Императора всея Россіи Александра III, которые по религіозной ревности и христіанской любви приходите для посѣщенія древняго и историческаго вселенскаго патриархата, этого центра православія, укрѣпя такимъ образомъ чрезъ Ваше присутствіе священный союзъ вѣры, неразрывно соединяющій сію святую мать великую церковь Христову съ ея святою дочерью и сестрою—православною Россійскою церковью. Выражая сей духовный восторгъ и радость церкви предъ Вашими Императорскими Высочествами, молимъ Господа Бога нашего, чтобы Онъ защитилъ и сохранилъ Васъ отъ всякой скорби и даровалъ Вамъ все блага со спасеніемъ. Его же Императорскому Величеству Самодержцу всея Россіи и всему Императорскому Дому Его да подастъ житіе славное, долготѣіе и благополучное».

Новый русскій храмъ въ Св. Земль.—Неутомимый русскій дѣятель въ Палестинѣ, о. Архимаандритъ Антонинъ воздвигаетъ новый русскій храмъ, въ Яфѣ, на мѣстѣ дома Таины, чудесно воскресшей Св. апостоломъ Петромъ. Закладка храма произведена была утромъ 6 октября, въ присутствіи И. И. В. Великихъ Князей Сергія и Павла Александровичей и Великой Княгини Елизаветы Феодоровны.

Вѣсти о Св. Градѣ.—По словамъ очевидцевъ, Святой городъ въ настоящее время быстро разрастается. Несмотря на то что онъ расположенъ на безплодной возвышенности, не производитъ никакой торговли и не обладаетъ промышленностью, въ немъ безпрестанно воздвигаются новыя зданія; сады, разнаго рода

учрежденія и церкви наполняютъ нѣкогда пустынную окрестность на разстояніи получаса за городомъ. Большія постройки евреевъ растутъ изъ земли какъ грибы; это—однообразныя, со множествомъ оконъ, одноэтажныя дома, вовсе не содѣйствующіе къ украшенію города. Ротшильдъ строитъ на Готфридовой горѣ госпиталь; вблизи отъ него строится Абиссінская церковь. Много воздвигается русскихъ построекъ; греки строятъ кофейныя дома и базары, армяне лавки. Однимъ словомъ, въ Святомъ городѣ и его окрестностяхъ кипитъ строительная дѣятельность, но при этомъ дѣны на квартиры постоянно увеличиваются.

ВОЗЗВАНІЕ.

Нынѣшняа аѣтомъ въ селѣ Пружѣ Зубцовскаго уѣзда сгорѣла приходская деревянная церковь, причѣмъ пожаръ истребилъ и все церковное имущество; осталась одна приходская риза, которую священникъ сохранилъ въ своемъ домѣ, уцѣлѣвшемъ отъ пожара. Это несчастіе воть уже второй разъ за эти годы постигаетъ село Пружѣ. Въ 1882-мъ году погорѣло все село, а также и церковь. На послѣднихъ пожертвованія и при помощи разныхъ хлопотъ, мѣстные прихожане и причтъ построили деревянную церковь для отпращиванія Богослуженія, а потому предпринята была постройка и каменнаго храма. Но она далеко не доведена была до своего окончанія, какъ вдругъ нынѣ аѣтомъ пожаръ истребилъ деревянную церковь, въ которой отправлялось Богослуженіе. Несчастіе Пружане такимъ образомъ остаются въ настоящее время безъ Богослуженія: нѣтъ ни храма, такъ какъ уцѣлѣвшій каменный, какъ мы сказали, еще не достроенъ,—ни священной утвари, ни церковныхъ одеждъ, книгъ и другихъ принадлежностей Богослуженія. Этому печальному положенію не предвидится конца, если добрые люди не отзовутся сочувственно послѣдними пожертвованіями на окончаніе строящагося храма и на введеніе необходимыхъ принадлежностей Богослуженія. Такія пожертвованія могутъ быть высылаемы на имя Священника села Пружѣ Михаила Алексѣевича Сибирскаго, на станцію Коледно, Тверской губерніи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Только подлинно съ этой фабричной маркой.

„НЕ КАШЛЯЙ“,
медо-травяной мальдь-экстрактъ и конфекты
Л. Г. ПИТШЪ и Кома, въ БРЕСЛАВѢ.
Употребляетъ противъ кашля, мокроты,
охриплости, страданій й горла и груди.

СПОСОБЪ УПОТРЕБЛЕНІЯ.
Д-ръ Михаиловъ мед. ракт. назначилъ
для дѣтей 3—4 раза въ день по 1 чайной
ложкѣ, а взрослые берутъ ежедневно 4—6 чай-
ныхъ ложекъ экстракта.

Конфекты предупреждаютъ кашель, охриплость и простуду горла.

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составѣ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества и вновь и продажа въ Россіи разрѣшены Медицинскимъ Департаментомъ.

Цѣна: бутылки 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к.
Конфекты по 30 и 50 коп.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ Аурихѣ въ С.-Петербургѣ. Продажа во всѣхъ аптекахъ, магазинахъ и аптекахъ Россіи. Въ С.-Петербургѣ: во всѣхъ аптекахъ, магазинахъ и аптекахъ. (18—1)

Ввозъ и продажа въ Россіи разрѣшены Медицинскимъ Департаментомъ.

Березовый Вальзамъ Д-ра Ленгиля.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку.

СПОСОБЪ ПРИГОТОВЛЕНІЯ.

При приготовленіи этого Вальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ оного вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу, и при томъ благотворно и осызательно дѣйствующія на кожу лица и рукъ.

Цѣна: флакону 1 р. 65 коп. Бензоевое мыло 35 коп. и 50 коп. кусокъ; Олово-помоа (лучше козьдъ-крема) 1 р.

Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіат. 1 руб.

Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Колокольная 18—19.

Имеется во всѣхъ парфюмер. и аптекар. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Въ С.-Петербургѣ: во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ.

(31—1)

ВСЪ МУЗЫК. ИНСТРУМ.
въ большомъ выборѣ въ
и посходнымъ МАГАЗИНѢ
Цѣнамъ
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
МОСКВА
ПЕТРОВКА Д. ВОЛКОВА

(25—14)

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Озеринская чудотв. икона Богоматери. — Кіево-Печерская Лавра (V). — Козыбель христіанства. (Окончаніе). — Жизнь и чудеса преп. Давида Гареджийскаго. — Петруша Божья Душа. — Еженедѣльная Литургия: Вѣсти съ Востока. — Воззваніе. — Объявленія.

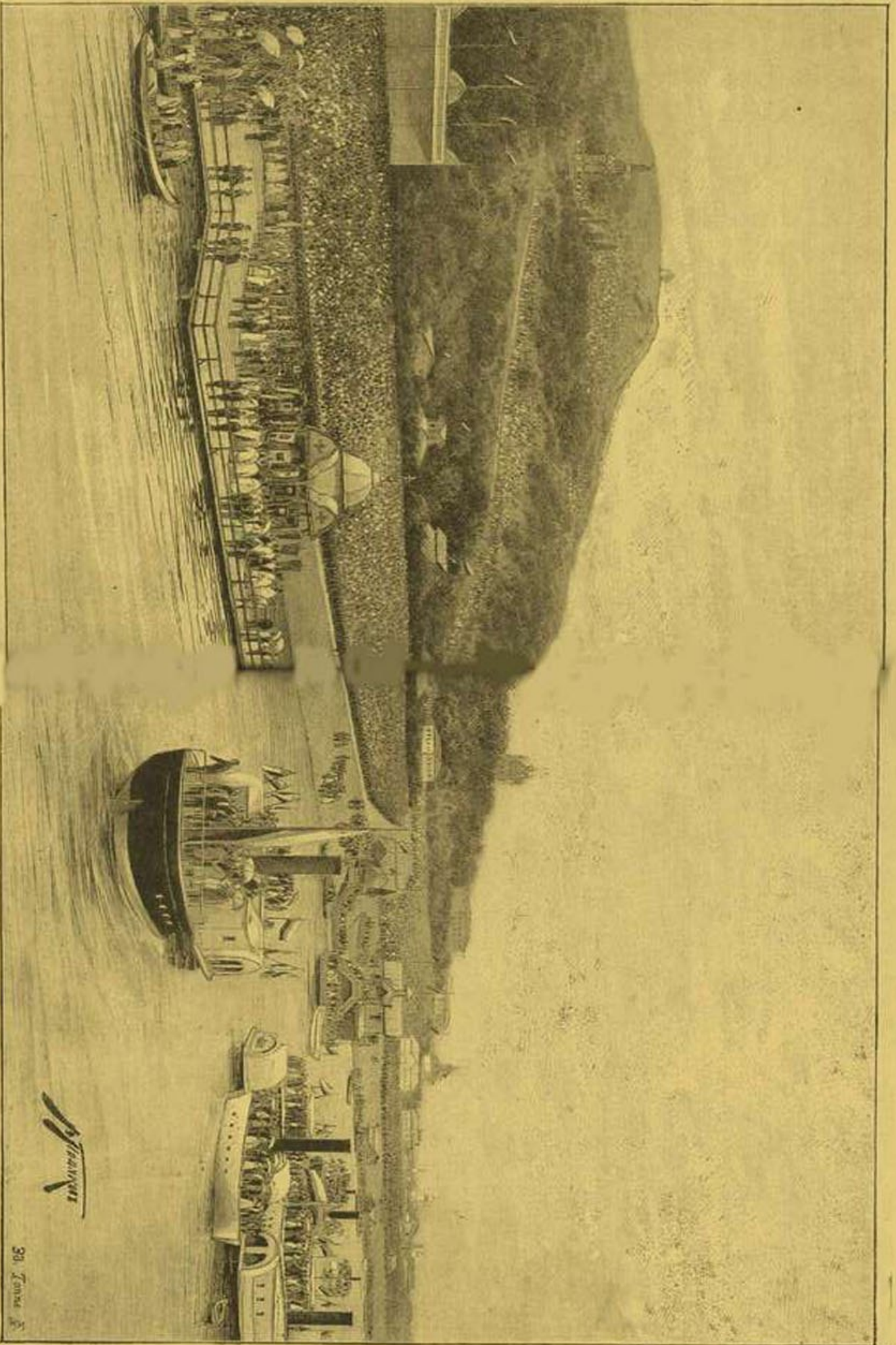
Рисунки: Озеринская икона Божіей Матери. — Куряжскій Преображенскій монастырь. — Село Озеринка. — Преподобный Давидъ Гареджийскій.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

При семъ №-рѣ прилагается Гг. городскимъ поддочникамъ V-я книжка Литературныхъ Приложений.

Доволено цензурою. Спб., 14 Октября 1888 г.

Типографія П. П. Сокина, Вознесенскій пр., д. № 47.

Иванов

Торжественное освящение в Кибр, 15 июня 1888 года.